

Троцук Ирина Владимировна

доктор социологических наук,
доцент кафедры социологии
Российского университета дружбы народов

Морозова Анастасия Викторовна

аспирант кафедры социологии
Российского университета дружбы народов

ОДЕЖДА КАК ИНДИКАТОР СТЕПЕНИ СВОБОДЫ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация:

В современном обществе понятие свободы все чаще используется в качестве критерия оценки результатов его трансформаций, например сопоставления нынешнего российского социума и прежнего советского. Как правило, исследователи предпочитают макроподход для подобных сравнений (экономического, политологического, социологического и др.). Также интересной может быть и менее глобальная аналитическая перспектива – через костюм как индикатор степени свободы личности в определенной социальной системе, задающей нормативные границы самовыражения через одежду. Безусловно, современность в целом характеризует выход на сцену человека как «творца» собственной повседневности, политической, религиозной и иных сфер жизни, чему способствуют и объективное формирование необходимых условий, и развитие идеи о плюральности мира как его нормальном состоянии, и ее реальное воплощение в разных сферах жизни. В работе на примере советского общества представлены возможности одежды в фиксации его особенностей – социально-экономического неравенства, взаимодействия с другими социальными системами, заимствования культурных образцов и поведенческих паттернов, смены идеологических доминант в конструировании базовой социальной идентичности и пр. Статья не претендует на обобщения глобального плана, а носит кейсово-иллюстративный характер, в ней отражено, насколько неоправданно нынешнее социологическое игнорирование одежды в ее функциях маркирования социальных практик, ролей и трансформаций.

Ключевые слова:

одежда, свобода самовыражения, «позитивная» и «негативная» свобода, структуры/сообщества и агенты/индивиды, советское общество, нормативные границы, модные тенденции, социальное неравенство, социально-экономическая дифференциация, элита.

Trotsuk Irina Vladimirovna

D.Phil. in Social Science, Associate Professor,
Social Science Department,
Peoples' Friendship University of Russia

Morozova Anastasia Viktorovna

PhD student, Social Science Department,
Peoples' Friendship University of Russia

CLOTHES AS AN INDICATOR OF THE DEGREE OF FREEDOM AND THE SOCIOECONOMIC SITUATION

Summary:

In the contemporary society, the concept 'freedom' is more and more often considered as an important criterion for assessing the results of social transformations, for instance, for comparing the nowadays Russia and former Soviet Union. As a rule, researchers prefer the macro-level approach to such comparisons (economic, political science, social science, etc.), whereas the less global analytical perspective can be even more interesting – through the garments as an indicator of the degree of individual freedom in the context of the particular social system defining the framework of expressing such freedom in clothing. Undoubtedly, the contemporary society in general strongly supports the ambitions of an individual as a 'creator' of their own everyday life and in political, religious and other spheres by providing them with the necessary technologies and resources for self-development, promoting the idea of the plurality of the world as its regular state, and actual implementation of this idea in various spheres of nowadays life. By the case study of the Soviet society, the authors consider the ability of clothing to indicate a variety of features of the society, such as social-economic inequality, interaction with other social systems, adoption of cultural and behavioral patterns, changes in the ideological bases for constructing social identity, etc. The article does not claim to any global generalizations and is rather a case-illustration of the unfair sociological ignorance of the clothing's functions in coding of important social practices, roles and transformations.

Keywords:

clothing, freedom of expression, 'positive' and 'negative' freedom, structures/communities and agents/individuals, Soviet society, normative limits, fashion trends, social inequality, social-economic differentiation, elite.

Наиболее распространенная сегодня трактовка свободы связывает ее с возможностью выбора среди разных вариантов (например, человек может облачиться в любую одежду или ходить голым). Однако существует и важное ограничение: любой индивид, с одной стороны, уникален, с другой – неизменно является частью общества, что порождает два типа свободы – «позитивную» и «негативную». В первом случае индивид стремится декларировать свою уникальность, выбирая место в жизни, включаясь в те или иные социальные группы; во втором – выступает против общественных ценностей, выходит за рамки принятого или допустимого поведения. Так,

выбирая костюм, человек, чтобы выглядеть «не как все», может дополнить его необычными аксессуарами или подвернуть рукава, штанины и т. п., проделывая это с «принятыми» (или нет) в социуме предметами одежды (брюками, платьями, рубашками и т. д.). Следование социальным нормативам в одежде не всегда может нравиться индивиду, но, придерживаясь их, он стремится обезопасить себя от чувства одиночества, обретает внутреннюю уверенность в социальной приемлемости (это особенно характерно для массового общества). Это, впрочем, не отменяет возможности эпатажных (по-разному) проявлений в одежде, характерных для элитарных (по разным критериям, не только материальным) групп, обладающих большей свободой (и ресурсами) для самовыражения.

Согласно опросам сегодня россиянин, выбирая между свободой и стабильностью, предпочтет последнюю (70 %), каждый второй – по соображениям материального характера; примерно половина опрошенных не имеет четких представлений о свободе, но даже среди тех, кто считает себя свободным, каждый второй убежден, что возможностей выбора в реальности мало [1]. Действительно, «при всех данных ему обществом свободах современный человек также беззащитен перед силами, с которыми он сталкивается в своей повседневной жизни, как первобытный человек перед силами непонятной ему природы: он беспомощен перед анонимными социальными механизмами, действующими необъяснимо и непонятно для простого человека, они могут поднять его наверх или бросить вниз на социальное дно» [2]. Чтобы противостоять этим силам, обретя «позитивную» свободу, современный человек вынужден обучаться спонтанному (но нормативно допустимому) действию, т. е. диктуемому не жесткими шаблонами, а творческими порывами.

Нынешний идеал социального устройства акцентирует важность индивидуальной свободы, под которой понимается и признание права дееспособного индивида на отношения с любым другим дееспособным индивидом, согласным на них, т. е. на выстраивание социальных связей в формате взаимовыгодных союзов, что нередко предполагает своеобразную «свободу» от социальных обязательств и устойчивой идентификации с тем или иным сообществом, или на «деконструкцию механизмов социальной поддержки» [3]. Современный идеал свободы нередко оборачивается свободой от традиционных идентичностей (гендерных, семейных, поколенческих и пр.).

Несомненно, идеал свободы в советском социуме был иным. Не вполне корректно ряд авторов склонен квалифицировать советское общество как тоталитарное на протяжении всей его истории – нельзя отрицать существование в нем значительных ограничений свобод, в том числе за счет формирования соответствующих идентификационных моделей и поведенческих паттернов (коллективистского типа), однако была «неформальная» свобода выбора, скажем, художественных предпочтений. Несмотря на то что вводились запреты на те или иные книги, музыку и даже одежду, книги все равно читали, музыку слушали, одежду носили (ярко-гиперболистично это показано в фильме-мюзикле 2008 г. «Стиляги» В. Тодоровского). Такие неполитические сферы жизни, как любовь, дружба, наслаждение и единоборство с природой (альпинизм, спортивный туризм), переживания в литературном мире, научное творчество и даже девиантные практики (пьянство), при желании были открыты любому советскому гражданину [4, с. 13]. Конечно, государство стремилось контролировать и данные сферы, однако его возможности были ограничены, особенно на излете советской эпохи. В повседневных устремлениях и рутинных практиках «советский человек» вряд ли кардинально отличался от идеологически конструируемого «капиталистического» антипода в так называемых «свободных странах», т. е. понятие свободы оказывается весьма условным, не поддающимся оценке по неким универсальным критериям и конституируемым в рамках и условиях конкретного социума. Поэтому несвободное по нынешним универсальным меркам общество может восприниматься его членами как вполне свободное, а прежние свободы могут получать новое «содержание» (например, сегодня россияне имеют право на свободу вероисповедания, однако крайне незначительна доля верующих и церковных – зачастую религиозность имеет номинальный характер).

Оптимальной аналитической «оптикой» для социологического анализа свободы в современном обществе, видимо, является феноменологическая традиция. В частности, она предполагает понимание реальности «других» через попытку поставить себя на их место не столько объективно, сколько через реконструкцию мировоззренческих схем, выраженных, например, во внешнем облике. Так, костюм (вид, цвет, детали и прочие элементы кодификации) позволяет визуально выразить общность взглядов и настроений людей. Маркируя и социально-стратификационные, и личностно-мотивационные особенности, костюм дает возможность «считывать» (или приписывать) социальные позиции человека и степень его личной свободы (самовыражения). Зная о системах кодификации одежды в определенную историческую эпоху, мы можем реконструировать присущие ей частные и социальные свободы, охарактеризовать логику исторической трансформации конкретной социальной системы, оценивая свойственную ей «негативную» свободу (от ограничений и барьеров, от довлеющих обстоятельств внешнего окружения) и «позитивную» свободу

(самовыражения) как проявления способностей человека формировать собственное общество, властвовать над объективными ситуациями и т. п. [5, с. 52, 65].

По мнению П. Штомпки, в любом обществе можно выделить два уровня [6, с. 269–270]: общности (надиндивидуальные системы) и субъекты (их члены), которые, будучи ограничены рамками систем, все же обладают определенной свободой, а потому каждый уровень существует как в потенции, так и в реальности. Следовательно, каждая система раскрывается в функционировании, а агенты – в действии, структура и агент всегда взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга, но структура не поглощает агентов, они не растворяются в ней. Формы их синтетического сосуществования различны: по принципу инерции (в постоянном режиме, без радикальных поворотов), момента/континуальности (последовательная смена стадий развития без разворота вспять), последовательности (ни одна из стадий не может быть пропущена). Внутри структур субъекты свободны в том смысле, что могут идти против течения, быть анахроничными или нацеленными на будущее, т. е. реальные жизненные практики одновременно обусловлены «сверху» (фазой функционирования общества) и «снизу» (поведением индивидов и групп), но не сводимы ни к тому, ни к другому (яркий пример тому – одежда, с учетом, что структура и агенты склонны к самоизменениям).

Соответственно, любые социальные события соединяют в себе деятельность структур и действия субъектов, воздействуют как на структуры, модифицируя или создавая новые сети отношений, так и на субъектов, изменяя их потребности и поведение. Например, Октябрьская революция радикально преобразовала не только социальный строй, но и внешний облик новой элиты, которая стала «трудовой», а потому исчезло прежнее «праздное» платье, костюм, не предназначенный для труда; или в ситуации тотального советского дефицита возникли особые практики – «достать», «достать по знакомству» и т. п. Новые события порождают новые типы практик, в которых воплощаются прежде не существовавшие или изменившиеся сочетания деятельности структур и действий субъектов. Затем устоявшаяся новая практика начинает аналогичный цикл изменения структур и действий субъектов, модифицируя деятельность и способы ее реализации, что порождает следующий вид практик.

Так, вследствие советского товарного дефицита люди «конструировали» новые практики – поиск знакомых, работающих в магазинах, создание неформальных сетей приобретения дефицитных товаров: *«Кума на базе работала в росгалантерее, подружка у меня работала в Пашковском райпо, одна подружка работала – база Крайпотребсоюз, другая подружка работала в салоне новобрачных, т. е. как бы дефицита ни в тапочках, ни в трусах – нигде у нас дефицита не было... Всегда надо было завести знакомство, поддерживать его, чтобы можно было потом обменяться или достать что-то»* [7]. Именно так пишется «человеческая история в противоположность внутреннему функционированию общества» [8, с. 282]. Возможности агентов во многом зависят от того, во что они верят, а также от того, во что идеологические структуры (предписания, «встроенные в социальное сознание») хотят, чтобы они верили: уровень индивидуальной свободы в конкретном обществе в определенный момент – результат и выбора индивидуальных субъектов вследствие адаптации к изменяющимся объективным условиям, и работы механизмов социетальной свободы, которая не подконтрольна субъектам. Реальная социетальная и индивидуальная свобода может существенно отличаться от провозглашенной институционально-правовой свободы; в каждом обществе в тот или иной исторический период сочетание двух уровней свободы имеет уникальный характер.

Важным ограничением предложенной П. Штомпкой схемы является рассмотрение субъектов/агентов как некой (пусть неоднородной) массы, в то время как в действительности социальные субъекты значительно отличаются друг от друга степенью свободы и потенциалом влияния на социальную динамику. Так, Т.И. Заславская отмечает неравномерное влияние разных социальных групп на общественные трансформации [9]: правящая элита устанавливает основные «правила игры» (правовые и обыденные), социально зрелые и активные представители в основном средних слоев эти правила закрепляют и развивают, остальная часть общества выбирает из предлагаемого набора нормативов наиболее подходящие и адаптируется к ним.

Подобное распределение «ролей» согласно степеням свободы выбора и поведения хорошо прослеживается в истории костюма, скажем, если предельно схематично реконструировать развитие советского общества после Октябрьской революции, уничтожившей классы дворянства и буржуазии и заставившей костюм рабочих, интеллигенции и служащих приспособиться к военным нуждам [10, с. 113–121]. Кожаные куртки, солдатские гимнастерки с широкими ремнями, френчи, сатиновые темные косоворотки с городскими пиджаками – основная одежда мужчин; женские платья делались из военного сукна, девушки носили красные косынки и повязки, которые теперь завязывали не на подбородке, а на затылке; комсомольцы носили «юнгштурмовки», заимствованные у немецкой молодежной коммунистической организации (гимнастерка или куртка

разных оттенков зеленого цвета с отложным воротником и накладными карманами, ремнем и портупеей). Характерно полное отсутствие декоративных элементов – сказались и тяжелые экономические условия, когда у людей просто не было средств для украшения одежды, и кодификация сумок, шляп и ярких цветов в одежде как буржуазных атрибутов. Первым массовым костюмом советской эпохи, по сути, стала красноармейская форма, хотя ее «дизайнеры» вдохновлялись русским национальным костюмом: старинная отделка петлицами была дополнена символическим красным цветом воротника, обшлага и звезды на шлеме, похожем на древнерусскую шолому с бармицей, которые носили воины еще в XIV в., и т. д.

В дореволюционное время носить готовое платье считалось уделом бедных – высшее общество облачалось в одежду на заказ, имея возможность самовыразиться, следуя в то же время моде. Шитье, будучи давней и почтенной традицией в Российской империи, было обязательным элементом женского образования – выпускницы школ кройки и шитья получали аттестаты с правом открывать собственные курсы швейного мастерства. Так, Н. Ламанова, известный советский модельер, шила одежду царской семье и всей российской аристократии, а после революции создавала массовую одежду и одежала жен высших чиновников, поскольку советская элита была более свободна в выборе костюма и имела возможность облачаться в одежду по фигуре. Впрочем, гражданский бытовой костюм 1920-х гг. также был частично заимствован из русского национального костюма: Н. Ламанова в созданных в 1919 г. при художественно-производственном подотделе Наркомпроса Мастерских современного костюма делала практичную одежду, используя бечеву, холст, солому, шнуры, противопоставляя ее по идейному содержанию, формам и применяемым материалам костюмам нэпманов, подражающих западной моде и позже стигматизированных как «нетрудовые элементы» [11].

Однако дорогие вещи носили не только нэпманы, но и семьи высокопоставленных функционеров, а также известные люди. Те, кто не располагал достатком, перешивали старые платья по выкройкам, которые было трудно достать. Шагом в «просвещении» народа в области моды стал выпуск в 1928 г. журнала «Красная панорама», где была опубликована статья А.В. Луначарского о том, «своевременно ли подумать рабочему об искусстве одеваться», но уже к 1930 г. издания не существовало, хотя благодаря промышленному и культурному развитию страны появились первые хлопчатобумажные ткани с набивным рисунком (цветочным орнаментом, узорами), позволив советским гражданам «примерить» новые образы. В 1934 г. в Москве на базе опытно-технической лаборатории треста «Мосбелье» был создан Дом моделей на Сретенке. В 1936 г. в Московском текстильном институте было организовано отделение художественного моделирования и конструирования одежды. В 1938 г. открыт Московский дом моделей. Постепенно советский костюм от грубых кожаных курток и простых вещей цвета хаки трансформировался в моделированный костюм из набивных тканей.

Одной из основных тем советского дизайна 1920–1930-х гг. стал «производственный костюм» – разные варианты одежды для врачей, пожарных, пилотов, строителей, продавцов. Теорию костюма, исключаящую любую моду, пытались разработать мастера и идеологи московского ИНХУКа (В. Степанова, Б. Арватов, А. Родченко и др.), полагая, что моду должны вытеснить простота, удобство, гигиеничность и «социально-техническая целесообразность». Однако этого не произошло – молодежь увлеклась футуристическими идеями, возникли «супрематические» орнаменты на свитерах и шарфах. С появлением Московского дома моделей созданием советского костюма стали заниматься уже не художники, а модельеры, однако в период дефицита доступ к качественной и красивой одежде имела преимущественно партийно-советская номенклатура – заложенное еще в 1920-е гг. неравенство доступа к одежде (*«о новой паре и думать нашему [рабочему] брату нельзя – обувь раздается только коммунистам и матросам»* [12]) воспроизводилось и в иной социальной системе.

В 1930-е гг. возросло производство ситца, появились первые автоматические ткацкие станки и новые сорта тканей (креп, коленкор, атлас, сукно, бостон и др.). В 1931 г. были открыты «торгсины», которые обслуживали гостей из-за рубежа и советских граждан, имевших наличную валюту, а также золото, драгоценности и прочие ценные вещи для обмена на продукты питания и потребительские товары (в частности, хорошую одежду), но просуществовали они лишь до 1936 г. Процветали комиссионные магазины, продажа товаров с рассрочкой. Советской номенклатуре была доступна модная одежда, в том числе европейского производства, заказ платья в дорогих ателье, у частных портных, в ведомственной мастерской Наркоминдела на Кузнецком мосту. К середине 1930-х гг. в СССР восстановили ателье и обычные граждане тоже смогли позволить себе шить одежду на заказ, по собственному вкусу, хотя особой популярностью пользовались частные портные, которые применяли еще дореволюционные ткани, пуговицы и крой. Мировая мода также проникла в Советский Союз – модными становятся удлиненный силуэт женского костюма, струящи-

еся платья с чуть завышенной талией и рукавом-фонариком, красная помада и укладка волос волной, бывший признак буржуазности – шляпы. Самыми модными считались актрисы, старавшиеся соответствовать идеалам женской красоты, пропагандируемой западным кинематографом. Единственным поводом «выгулять» красивую одежду были танцы, поход в театр, на концерт (как, впрочем, и сегодня), а также курортный отдых.

В 1935 г., приехав в Москву, дизайнер Э. Скиапарелли была поражена видом советских граждан: *«Мне казалось, что одежда для рабочих должна быть простой и практичной, но я увидела настоящее буйство шифона, плиссе и оборок»* [13]. Присоединение Прибалтики к СССР дало новый толчок проникновению в советское общество модных западных тенденций и породило в кругу городской интеллигенции споры о костюме и эксперименты с одеждой. Однако для большей части населения модная и красивая одежда оставалась недоступной по причине ее дефицита и дороговизны, в костюме ярко проявлялись различия горожан и селян, жителей столицы и провинции. Внутри каждого «пространства», например крупного города, люди одевались по-разному, в зависимости от социального положения: по одежде можно было судить об уровне жизни человека, его материальных возможностях, претензиях на самовыражение и пр. (возник феномен спекулянтства). Итогом 1930-х гг. стало признание государством, что мода – нормальное и востребованное населением явление, особенно в ситуации нарастания темпов миграции и урбанизации. Следовало подчеркнуть удивительную способность советских женщин даже при тотальном дефиците и идеологическом прессинге выглядеть ярко и интересно.

В 1940-е гг., несмотря на тяжелейшее военное время, люди стремились следовать модным тенденциям, которые формировал советский кинематограф, – усложнялись вечерние и нарядные платья, появлялась обувь на платформе и танкетке, с открытым носком и пяткой (следуя принципу цикличности, сегодня возрождаются схожие модельные образцы). Однако магазины одежды и ателье были закрыты, и в условиях военного времени женщины стали носить мужской военный костюм. После войны государство в ходе строительства централизованной социалистической экономики стремилось разработать единую концепцию костюма, контролируя тем самым внешний вид граждан, но средств на это не хватало и многие предприятия продолжали выпускать одежду по прежним образцам. К концу 1947 г. в стране сложилась широкая коммерческая сеть универмагов, снова открылись ателье, где старались изготавливать одежду по иностранным модным лекалам, многие женщины обшивали себя и свои семьи сами, что давало определенную свободу самовыражения в костюме (впрочем, серьезно ограниченную финансово). Параллельно шел централизованный поиск советского идеала одежды, который должен был «соединить мечту и фантазию художника с мастерством конструктора и современной техникой производства» [14]. Кроме того, советский костюм должен был быть массовым, бессловным и общедоступным.

С середины 1950-х гг. возможности самовыражения человека в модной одежде возросли: проходили конкурсы лучшей модели одежды, возникла мода на натуральные шубы, которая сохраняется до сих пор, был открыт ГУМ, а в нем особый стол заказов – двухсотая секция для привилегированных клиентов, но с собственной иерархией (постоянный пропуск имело партийное и правительственное руководство, родственники и знакомые могли проходить в секцию только в их присутствии; министры, депутаты, герои социалистического труда, академики и т. п. посещали отдел по одноразовым пропускам, иногда таковые предоставлялись актерам и манекенщицам, если им нужно было представлять страну за рубежом). Простые люди вынуждены были простаивать в гигантских очередях и не обладали достаточными средствами для свободного выбора одежды. На международных выставках можно было увидеть модную советскую одежду, но она редко доходила до прилавков. Те, кто хотел одеваться модно и индивидуально, либо учились шить, либо заказывали вещи в ателье, но для этого нужно было купить качественную ткань и найти хорошего мастера, что было отнюдь не легкой задачей.

Еще в 1940-е гг. на Кутузовском проспекте было открыто спецателье для обслуживания партийной номенклатуры, куда поступали иностранные ткани и фурнитура, а одежда шилась только по ордерам. В массовое производство модели костюмов из Дома моды не выходили – в моделях, предназначенных для рядовых советских граждан, приветствовались дешевизна ткани, незамысловатость и ограниченное число деталей кроя, рентабельность в производстве и удобство в эксплуатации, а главное – строгое следование ГОСТу. Важными событиями 1950-х гг. стали появление синтетических материалов (кстати, современный массмаркет также предлагает покупателям модели известных домов мод, но не из натуральных тканей, а из синтетики, что удешевляет вещь и делает ее общедоступной), импорт китайских товаров и проникновение журналов мод из братских социалистических стран. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 г. в Москве наглядно показал советским гражданам, как одеваются иностранцы.

В это же время возникли первые фарцовщики – профессиональные перепродавцы импортных вещей. В 1959 г. в Москву приехал парижский модный дом «Диор» – прошел закрытый показ мод для элиты. Кроме того, чтобы приобщить обычных людей к моде, французские манекенщицы

прошлись по ГУМу и центральным московским улицам. Вышли просветительские брошюры «Искусство одеваться», «Мода и мы» и др. Появились стилиаги (субкультура просуществовала до 1960-х гг.) – юноши в брюках-дудочках, свободных клетчатых или цветных пиджаках с узкими галстуками и в ярких рубашках с рисунком, девушки в платьях в стиле «ню-лук» с пышными юбками, которые либо доставали одежду у фарцовщиков, либо шили ее на заказ. В СССР все еще не было «глянцевой индустрии», понятия «модный фотограф» и изготовителей модной одежды на любой вкус и кошелек.

С 1960-х гг., несмотря на пропаганду «советского» сдержанного стиля в одежде и все еще превышение спроса над предложением, дома моделей существовали во всех крупных городах, а разница между западной и советской одеждой состояла больше в качестве и доступности, чем в соответствии моде. В моду вошли платье-пальто, женские костюмы, ретро-стиль, молодежный стиль в мужской одежде, лодочки на шпильке, болоньевые плащи и пр. Особенно престижными у советских покупателей в условиях сохраняющегося товарного дефицита считались вещи из ГДР, Польши, Югославии и других социалистических стран, по определению более доступные дипломатам, артистам, гражданским морякам и летчикам, номенклатурным работникам, а также жителям приморских городов.

В 1970-е гг. начался период промышленного моделирования советской одежды, усложнился рисунок на тканях, возникла мода на джинсы (приличную одежду можно было достать либо через фарцовщиков, либо «по блату», либо отстояв гигантскую очередь) [15]. В это десятилетие в советское общество проникли внешние образы хиппи, сглаживающие различия в женской и мужской одежде, ретро-стиль, мода на обувь-«дутики», которые в СССР начали выпускать в 1976 г. на фабрике «Парижская коммуна», и обувь на платформе, стиль панков (обилие аксессуаров, металлических деталей и булавок на одежде), шотландская юбка с запахом, застегивающаяся на крупную декоративную булавку, черные кожаные брюки-дудочки, короткие стрижки, щедро залитые лаком, и т. д. В 1980-е гг. перечень доступных для воспроизводства внешних образов дополнили неформалы с «неправильными» прическами, одеждой, макияжем и аксессуарами. Конечно, возможности самовыражения в одежде использовались преимущественно молодежью, а для взрослого человека приемлемым считался строгий классический стиль, хотя в целом одежда стала более свободной [16].

Таким образом, в СССР свобода в целом и в одежде в особенности ассоциировалась с западным образом жизни, поэтому особым шиком считалось ношение костюма, выполненного по европейским модным лекалам из импортных тканей и фурнитуры. Чтобы носить модную, а значит, дефицитную одежду, которую хочешь, а не ту, что навязывают государственные потребительские стандарты, необходимо было обладать хотя бы одним из четырех видов социального капитала: умением шить (с доступом к необходимым тканям), «членством» в советской элите (эквивалентом обладания властью, знакомствами и финансами), связями (в нужных сферах) или выходом на спекулянтов/фарцовщиков (наиболее простым и доступным ресурсом для простого человека).

Декларируемая свобода выбора одежды и реальная свобода самовыражения в костюме у среднестатистического советского человека явно не совпадали, ограничения накладывали и макрофакторы (модель государственного производства и продажи одежды), и мезофакторы (например, тип поселения – столица, город или село, приморский город или глубокая провинция), и микрофакторы (уровень достатка, наличие «блата» и пр.). В результате одежда становилась основным «кодификатором», благодаря которому можно было безошибочно идентифицировать род деятельности, материальное положение и место жительства индивида. Наиболее ярко внешне (костюмом) выделялась советская элита, обладавшая широкой свободой выбора и способная позволить себе одеваться так, как того требовали душа и социальное положение. Другой ярко проявляющей себя в одежде группой стали люди творческих профессий и члены субкультур. Их стремление к самовыражению ограничивалось товарным дефицитом и финансовым положением.

Сегодня идеологические ограничения в одежде ушли, но материальные барьеры сохраняются. Тем не менее возможности самовыражения человека в костюме зависят от его социально-экономического положения в меньшей степени, чем от личных пожеланий. Ряд критиков современной российской действительности на этом основании утверждают, что Советский Союз можно назвать страной рефлексированной свободы, а нынешнюю Россию – нет, потому что сейчас гораздо меньше запретов, человеку труднее отличить свободу от несвободы и легче ошибиться, приняв за свободу лишь ее притворные аналоги (например, когда почти неограниченная свобода выбора одежды и прочих потребительских благ маскирует жесткий идеологический контроль и т. д.).

Ссылки:

1. Чувство свободы и другие аспекты жизни. Как ощущение свободы влияет на жизнь человека? [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11327> (дата обращения: 03.11.2016).

2. Гофман М. Американская Идея // День и ночь. 2009. № 3.
3. Кальней М.С. Идеал свободы и характер его влияния на проблемы взаимодействия личности и общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 4.
4. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
6. Там же. С. 269–270.
7. Нечаева Е. Структуры и социальные практики повседневности в условиях трансформации советского общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 1.
8. Штомпка П. Указ. соч. С. 282.
9. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3.
10. Каминская Н.М. История костюма. М., 1977.
11. Шейхетов С.В. Нэпманы как социальная группа: самосознание, самоорганизация, взаимодействие с властями [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/sheikhetov-nepmen> (дата обращения: 03.11.2016).
12. История советской моды. Часть первая – 1920-е [Электронный ресурс]. URL: <http://www.casual-info.ru/moda/wardrobe/168/11705/> (дата обращения: 03.11.2016).
13. История советской моды. Часть вторая – 1930-е [Электронный ресурс]. URL: <http://www.casual-info.ru/moda/wardrobe/168/14339/> (дата обращения: 03.11.2016).
14. Гронов Ю., Журавлев С. Власть моды и советская власть: история противостояния [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2006/12/21/fashion> (дата обращения: 03.11.2016).
15. Советская мода 1970-х: джинсы и хиппи, «дефицит» и «блат» [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/weekend_lifestyle/20121207/787742091.html (дата обращения: 03.11.2016).
16. Мода 80-х в СССР. Какой она была? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.retromoda.ru/soviet-fashion/soviet-fashion-80th.html> (дата обращения: 03.11.2016).

References:

- Gofman, M 2009, 'The American idea', *Den' i noch'*, no. 3, (in Russian).
- Gronov, Y & Zhuravlev, S 2006, *Fashion Power and the Soviet power: the history of confrontation*, viewed 03 November 2016, <<http://polit.ru/article/2006/12/21/fashion>>, (in Russian).
- Kalney, MS 2015, 'The ideal of freedom and the nature of its influence on the problems of interaction between the individual and society', *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya*, no. 4, (in Russian).
- Kaminskaya, NM 1977, *History of Costume*, Moscow, (in Russian).
- Nechaeva, E 2012, 'Structures and social practices of everyday life in the conditions of transformation of Soviet society', *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 1, (in Russian).
- Sheikhetov, SV 1998, *Nepmen as a social group: self-awareness, self-organization, cooperation with the authorities*, viewed 03 November 2016, <<http://zaimka.ru/sheikhetov-nepmen>>, (in Russian).
- Shtompka, P 1996, *Sociology of social change*, Moscow, (in Russian).
- Shubin, AV 2008, *Dissidents, informal and freedom in the Soviet Union*, Moscow, (in Russian).
- Zaslavsky, TI 1995, 'The social mechanism of transformation of the Russian society', *Sotsiologicheskij zhurnal*, no. 3, (in Russian).